

Е. В. Кашкин
ИРЯ РАН, Москва

Лексемы, описывающие фактуру поверхностей: типология метафорических употреблений¹

Работа посвящена семантической типологии лексем, описывающих фактуру поверхностей. Материалом служат данные 10 уральских языков и 5 языков других семей, привлекаемых в качестве типологического фона. Рассматриваются метафорические сдвиги указанных лексем. Показано, что они образуют ряд повторяющихся в разных языках моделей в зависимости от исходного семантического класса лексемы.

Ключевые слова: *семантика, лексическая типология, уральские языки, качественные признаки, фактура поверхностей, полисемия, метафора*

This paper deals with the semantic typology of surface texture expressions. The language sample comprises 10 Uralic languages, as well as 5 languages from other families. The focus is on the metaphoric uses of the lexemes concerned. These metaphors show typologically consistent patterns depending on the source semantic domain of a lexeme.

Keywords: *semantics, lexical typology, the Uralic languages, qualitative concepts, surface texture, polysemy, metaphor*

1. Введение. Теоретическая база исследования

Настоящая статья выполнена в рамках лексико-типологического исследования наименований качественных признаков, описывающих фактуру поверхностей ('скользящий', 'гладкий', 'ровный', 'шершавый', 'шероховатый' и т.д.), см. подробнее [Кашкин 2013]. Работа следует фреймовому подходу к лексической типологии ([Майсак, Рахилина (ред.) 2007], [Рахилина, Резникова 2013]). Выборка включает 10 уральских языков (финский, эстонский, эрзянский, мокшанский, марийский, коми-зырянский, удмуртский, венгерский, хантыйский, ненецкий) и 5 языков других семей (русский, английский, испанский, китайский, корейский), привлекаемых для оценки

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884.

типологической релевантности выводов, сделанных на уральском материале. Данные уральских языков получены нами в первую очередь при работе с информантами, а также при анализе словарей и текстов². Материал испанского языка взят из [Спесивцева 2012], корейского – из [Иванова 2011]. Английский материал обработан нами совместно с экспертом (О. И. Виноградовой). Данные китайского языка собраны по нашей анкете Л. С. Холкиной и будут подробно отражены в [Холкина *forthc*].

В данной статье мы сосредоточимся на анализе метафорических употреблений исследуемых лексем. Задача типологического исследования метафор вызывает ряд теоретических проблем, которые необходимо оговорить, прежде чем перейти к дальнейшему изложению.

Во-первых, метафоризация – это творческий процесс, метафоры часто окказиональны, поэтому может быть трудно определить, насколько сильно конкретная метафора закрепились в языке (особенно для тех языков, для которых не создано корпусов большого объема). По этой же причине часто затруднительна и формулировка жестких запретов и ограничений на развитие метафор. Вместе с тем задача типологического исследования метафор неоднократно ставилась и решалась в самых разных работах ([Майсак, Рахилина (ред.) 2007], [Брицын и др. (ред.) 2009], [Круглякова 2010], [Zalizniak et al. 2012] и др.). По сути, она равносильна задаче выявления и систематизации регулярно воспроизводимых в языках моделей метафорических сдвигов и построения гипотез, объясняющих механизмы их развития. В нашей работе мы понимаем задачу типологического изучения метафор именно в этом смысле.

Во-вторых, частой проблемой, возникающей при типологическом исследовании метафор, являются семантические кальки. Например, если в русском языке мы имеем метафору *скользкий тип*, а в эрзянском языке выражение с аналогичным значением *нолажа ломань* (букв.: скользкий человек), то, учитывая интенсивное воздействие русского языка и на эрзянский, и на другие контактные языки, нельзя уверенно

² Материал по финскому языку собран при участии Н. А. Муравьева, материал тазовского говора ненецкого языка собран И. А. Стениным. Все окончательные интерпретации данного материала принадлежат автору настоящего исследования.

исключить того, что эта эрзянская метафора калькирована с русской. И тогда встает вопрос о том, насколько ценной типологически оказывается фиксация такой метафоры. С одной стороны, в случае кальки не приходится говорить о независимых проявлениях одного и того же сдвига в семантике слова в двух языках, и в этом смысле типологическая ценность калькированной метафоры оказывается ниже, чем у самостоятельно развившейся (такая точка зрения принята в частности в [Рахилина, Резникова 2013]). С другой стороны, как справедливо отмечено в [Zalizniak et al. 2012: 648], калькирование одной и той же метафоры разными языками может рассматриваться как показатель ее когнитивной значимости, а кроме того, явление калькирования само по себе интересно для понимания механизмов взаимодействия языков и культур, в т.ч. в результате ареальных контактов. Наконец, далеко не в каждом случае можно доказательно утверждать, является ли конкретная метафора калькированной или развившейся независимо. Особенно это трудно в том случае, когда для исследуемого языка (а такова ситуация в частности для уральских языков народов России) не создано достаточно репрезентативного корпуса, охватывавшего бы достаточно значительный временной период, в т.ч. период до начала активных контактов этого языка с русским. Исходя из всего сказанного, в нашем исследовании мы не исключаем из рассмотрения те метафоры из уральских языков, которые могут вызывать подозрение в калькировании с русского языка. Отступление от этого правила происходит в двух случаях:

1. когда метафора (например, данная в словаре) отчетливо воспринимается носителями языка как калькированная с русского и неправильная в рамках системы их родного языка;

2. когда метафора относится к реалиям, явно не исконным для носителей конкретного языка – ср. здесь показательный пример из [Рахилина 2007: 92], когда во многих языках мира обнаруживаются кальки с английского языка в области экономической терминологии (ср. русское выражение *плавающий курс валюты*, калькированное с английского *floating rate*).

Далее рассмотрим обнаруженные нами типы метафорических переносов. Изложение строится по исходным семантическим зонам (основания для их выделения подробно изложены в [Кашкин 2013]). Мы последовательно обсудим

переносы от лексем с прямыми значениями ‘скользящий’, ‘гладкий’ (о поверхностях, воспринимаемых на ощупь, например выструганной доске) и ‘ровный’ (о поверхностях, воспринимаемых зрительно, например, о ровном участке местности), а затем от лексем со значением наличия неровностей.

2. Метафоры лексем со значением ‘скользящий’

Лексемы с прямым значением ‘скользящий’ метафорически сдвигаются в первую очередь в обозначение **ненадежности**, **нестабильности** человека или явления. Этот перенос основан на содержащейся в исходном значении идее нарушения функциональности (скользящая дорога – та, по которой трудно идти, скользящая обувь – та, в которой можно поскользнуться, и т.д.). Обсуждаемые лексем сочетаются, во-первых, с именами, описывающими какую-либо сферу деятельности, жизненный путь и т.п. – как в русском языке *скользящая тема*, *скользящий вопрос*, в испанском *situación resbaladiza* ‘неустойчивая (букв.: скользящая) ситуация’ [Спесивцева 2012: 41], в финском *astua liukkaale tielle* ‘стать на скользящий путь’ (переносно, о жизненном пути человека). Во-вторых, лексем со значением ‘скользящий’ зачастую характеризуют ненадежного человека, как в русском примере *скользящий тип*, финском *luikas kuin ankerias* ‘скользящий как угорь’ (о ненадежном, «изворотливом» человеке) или примере (1) из шокшинского диалекта эрзянского языка.

ЭРЗЯНСКИЙ (ШОКШИНСКИЙ ДИАЛЕКТ)

- (1) *Марту-нза* *ат* *корта-в-ат*,
 с-POSS3SG NEG говорить-DETR-PRS.2SG
сон *ломань-сь* *нолажа*³.
 он человек-DEF.NOM скользящий
 ‘С ним не договоришься, он человек скользящий’

В ряде языков метафоры этого типа конкретизируют какой-либо «аспект» ненадежности объекта. Так, венгерское прилагательное *sikamlós* ‘скользящий’ развивает значение ‘неприличный, пошлый’ (например, о теме разговора, песне, анекдоте). В эстонском языке прилагательное *libe* ‘скользящий’ переносно характеризует льстивого человека (*libe inimene*) или действия такого человека (*libe jutt* ‘льстивая речь’).

³ Отсутствие при приводимом в работе примере эксплицитной ссылки на его источник означает, что данный пример был получен от информанта.

Еще одна модель метафорических сдвигов лексем с семантикой ‘скользящий’ основана на том, что скользящая поверхность – не только та, которая оказывается неудобной для человека, но и та, по которой объект может быстро переместиться в пространстве. В результате сдвиг лексем, означающих ‘скользящий’, может происходить не только в область ненадежности или нестабильности, но и в область **быстроты и легкости** выполнения действия. Последняя модель, по нашим данным, значительно более редка, но она ярко проявляет себя в финском языке. Например, слово *liukas* ‘скользящий’ используется в таких сочетаниях, как *liukas varas* ‘ловкий вор’, *liukas pelaaja* ‘игрок высокого класса’, описывает хорошо соображающего человека, как в (2). Такая же семантика реализуется и в ряде композитов с участием этого слова: *liukasliikkeinen* ‘проворный, ловкий’ (букв.: со скользящими движениями), *liukaskielinen* ‘разговорчивый, красноречивый’ (букв.: со скользящим языком)⁴.

ФИНСКИЙ

(2) *Tiede-miehe-n järki pela-a liukkaa-sti.*
 наука+мужчина-GEN ум играть-3SG скользящий-ADV
 ‘Ум ученого живо (букв.: скользя) играет’

3. Метафоры лексем со значением ‘гладкий’

Метафоры слов со значением ‘гладкий’ (о поверхностях, оцениваемых на ощупь) в первую очередь описывают **отсутствие недостатков и затруднений** (ср. в русском языке *Всё прошло гладко*), что прозрачно вытекает из их исходной семантики отсутствия неровностей и из того, что предметы с гладкой поверхностью часто оцениваются как хорошо функционирующие. Частным случаем является употребление данных лексем по отношению к уверенной речи человека или свободному владению языком, ср. русский пример *гладкая речь* или удмуртский (3).

УДМУРТСКИЙ

(3) *Вольыт вераськ-е удмурт сямен.*
 гладкий говорить-PRS.3SG удмуртский по
 ‘Свободно (букв.: гладко) говорит по-удмуртски’

⁴ Примеры такого типа обнаруживаются и в карельском языке. Так, согласно [Федотова 2000: 113], карельское прилагательное *lipie* ‘скользящий’ развивает значение ‘разговорчивый, словоохотливый’

Многие метафоры этой группы характеризуют человека: при этом может описываться либо свойство характера (в частности мягкость, доброта, как в случае марийского *йывыжа кумылан* ‘мягкосердечный’ (букв.: с гладкой душой)), либо внешняя красота, как в эстонском примере *sileda näolapiga tüdruk* ‘девочка с милотвидным (букв.: гладким) личиком’.

Идея отсутствия неровностей, содержащаяся в исходной семантике лексем со значением ‘гладкий’, может вызывать и другой тип метафорического переноса – сдвиг в описание **отсутствия ресурса или отличительных качеств**. Такие примеры отмечены для испанского языка в [Спесивцева 2012: 32]: *tela lisa* ‘ткань без рисунка’ (букв.: гладкая ткань)⁵, *fachada lisa* ‘фасад без украшений’ (букв.: гладкий фасад). В эстонском языке прилагательное *sile* ‘гладкий’, описывая речь или текст, приобретает значение ‘фальшивый, поверхностный, недостаточно глубокий’ (4). Венгерская лексема *sima* ‘гладкий’ переносно используется в значении ‘простой, обыкновенный, среднестатистический’.

ЭСТОНСКИЙ

(4) <i>Näidendi-s puudu-b</i>	<i>dramatism, on</i>	<i>ainult</i>
пьеса-INESS отсутствовать-3SG	драматизм	быть.PRS.3 только
<i>sile</i>	<i>olustikumäng.</i>	
гладкий	бытовая.игра	

‘В пьесе отсутствует драматизм, есть только простая (букв.: гладкая) бытовая игра’ [EKSS].

4. Метафоры лексем со значением ‘ровный’

Семантическим инвариантом для базового класса метафор, развиваемых лексемами со значением ‘ровный’ (о зрительно воспринимаемых поверхностях), служит идея **равномерности / постоянства**. Многие из таких метафор описывают равномерное распределение статичного объекта, как в русском языке *ровный загар*, *ровно расставить стулья*, в английском *evenly covered with paint* ‘равномерно покрытый краской’, *evenly spaced desks* ‘равномерно расположенные парты’, в финском *tasainen rusketus* ‘ровный загар’, в удмуртском (5).

⁵ Ср. также отмеченную в [MAC 1999] возможность употребления русской лексемы *гладкий* в подобном контексте.

УДМУРТСКИЙ

(5) *Борддор* *ёошкыт* *буя-мын.*
 стена ровный красить-PRT
 ‘Стена равномерно (букв.: ровно) покрашена’

Иногда лексема, первоначально относящаяся к ровной поверхности, метафорически описывает равномерность либо постоянство проявления признака. Так, в английском языке в этой роли выступает наречие *evenly* (*evenly good quality* ‘одинаково хорошее качество’), в финском – генитив *tasaisen* от прилагательного *tasainen* ‘ровный’, как в примерах *tasaisen litteä* ‘равномерно плоский’, *tasaisen varma* ‘одинаково уверен’, *tasaisen punainen* ‘равномерно красный’, *tasaisen tylsä* ‘неизменно скучный’.

Еще одним развитием полисемии лексем со значением ‘ровный’ является их употребление для выражения равенства значений какого-либо параметра⁶. За пределами уральской семьи такой перенос выявляется в английском и китайском языках (ср. *the score is even* ‘счет равный’), внутри уральских языков он отмечается в марийском, как в (6).

МАРИЙСКИЙ

(6) *Еренте* *мый* *деч-ем* *кугу-рак* *кап-ан,*
 Еренте я от-POSS1SG большой-СМРР тело-ADJ
ийгот-шо *гына мый* *ден-ем* *төр.*
 возраст-POSS3SG только я с-POSS1SG ровный
 ‘По телосложению Еренте покрупнее меня, только возраст у него такой же (букв.: ровный)’ [Словарь марийского языка].

Значение равномерности проявляется в метафорах лексем ‘ровный’ и по отношению к действиям или процессам, ср. употребление венгерского *egyenletes* ‘ровный’ по отношению к равномерному движению в (7) или финского *tasainen* ‘ровный’ для описания равномерного звука (8). Аналогичный перенос развивается также в русском (*ровное дыхание, ровный шаг*), английском (*even movement* ‘равномерное движение’), корейском

⁶ Из этого значения вытекает и дальнейшая эволюция лексем со значением ‘ровный’, когда в некоторых языках на их основе развиваются фокусные частицы, ср. русское *ровно*, английское *even* или немецкое *eben*. Подобные сдвиги подробно проанализированы в литературе, см., например, [König 1991], [Traugott 2006], [Добровольский, Левонтина 2012], [Беликов 2012], [Лучина и др. 2013].

языках (в [Иванова 2011: 27] отмечено расширение прилагательного *maekkulepta* ‘гладкий, ровный’ на фреймы равномерно протекающих процессов – например, так можно сказать о ровном голосе или о спокойном ведении дел).

ВЕНГЕРСКИЙ

(7) *Az autó egyenletes-en megy az út-on,*

DEF машина ровный-ADV ехать.PRS.3SG DEF дорога-SUPERESS

nem lassul le, és nem gyorsul fel.

не замедляться.PRS.3SG вниз и не ускоряться.PRS.3SG вверх

‘Машина равномерно (букв.: ровно) едет по дороге, не замедляется и не ускоряется’

ФИНСКИЙ

(8) *Moottori-n ääni on tasainen.*

мотор-GEN звук быть.3SG ровный

‘Звук мотора ровный’

К группе переносов со значением равномерности близко употребление лексемы ‘ровный’ по отношению к прямой линии (как в русских примерах *ровная строчка*, *ровно отрезать*, *ровно свисающая скатерть*). В данном случае, однако, неочевидно, что значение ‘ровный’ (о поверхности) будет первичным по отношению к значению ‘прямой’ (о линии). Так, в марийском языке для прилагательного *tör*, сочетающего значения ‘прямой’ и ‘ровный’, исходным фреймом является прямая линия (оно заимствовано в марийский язык из чувашского, где соответствующее прилагательное *türp* означает ‘прямой’, но не ‘ровный’, см. [Ашмарин 1937: 219-222], [Федотов 1990: 253]), а в мокшанском *ровная* поверхность может описываться прилагательным *виде*, исходно означающим ‘прямой’ (см. Starling).

Помимо семантических сдвигов в контексты равномерности, лексемы со значением ‘ровный’ переносно характеризуют **отсутствие ресурса или отличительных качеств** либо **малую интенсивность** действия или состояния. Примером служит эстонское *tasane* ‘ровный’, имеющее в разных контекстах значения ‘слабый’ (например, о боли или о дожде), ‘медленный’ (например, о движении, о течении реки), ‘тихий’ (например, о звуке, о шагах, о волнах). В английском языке такие значения активно развиты у прилагательного *plain* (еще сохраняющего

связь с семантической зоной поверхностей, ср. употребление *plain* как существительного ‘равнина’): *a plain looking girl* ‘просто выглядящая девушка’, *plain food* ‘незамысловатая еда’, *plain English* ‘понятный английский язык’, *plain text* ‘текст без форматирования’⁷.

5. Метафоры лексем со значением наличия неровностей

Лексеммы со значением наличия неровностей метафорически описывают наличие у объекта **недостатков** или указывают на то, что объект вызывает для человека **затруднения**. Часто они описывают некачественно выполняемое действие или его результат, как в русском языке *грубо сколоченный стол*, в английском *a rough estimate* ‘приблизительная оценка’, в эрзянском *казямо эзем* ‘грубая лавка’ [Серебренников (ред.) 1993: 224]. Разновидностью этого класса переносов можно считать употребление лексем наличия неровностей для описания неуверенной речи, как в удмуртском *Кылыз шақырес* ‘У него речь хромает’ (букв.: Его язык шершавый).

Нередко лексеммы данного класса метафорически характеризуют человека, указывая на наличие у него таких качеств, которые вызывают трудности при взаимодействии с ним. В русском, английском, китайском, корейском, марийском, финском, эрзянском, эстонском языках развивается перенос лексем данной группы на фрейм грубого, невежливого человека (а также дальнейшие метонимические расширения, ср. *грубые слова*, *грубый голос*). В качестве примера можно привести эстонское сочетание *krobelised kombed* ‘грубые манеры’ или марийское предложение (9).

МАРИЙСКИЙ

(9) Чу, Яша, мылам-же молан тынар

погоды Яша я.DAT-POSS3SG зачем так

kozyра-н ойл-ет?

шершавый-ADV говорить-NPST.2SG

‘Погоди, Яша, зачем мне-то так грубо говоришь?’ [Словарь марийского языка]

⁷ Заметим также, что развитие таких переносных значений характерно и для прилагательных с исходным значением ‘плоский (о форме)’, как в русском языке – *плоская шутка*, в английском – *flat sales* ‘низкий (букв.: плоский) объем продаж’ и т.д. (анализ русского материала см. также в [Спиридонова 2004]).

Реже лексемы наличия неровностей описывают строго, сурового человека. В частности, такие примеры отмечены в испанском (прилагательное *áspero* ‘шершавый’ [Спесивцева 2012: 53-54]) и эстонском языках (прилагательное *kare* ‘шершавый’ (10)).

ЭСТОНСКИЙ

(10) *Isa ol-i laste vastu kare.*
 отец быть-PST ребенок:GEN.PL с шершавый
 ‘Отец был суров (букв.: шершав) с детьми’

Ряд метафор, развиваемых лексемами со значением наличия неровностей, касаются характеристик какого либо звука. Наиболее часто этим звуком оказывается хриплый голос человека. Интересно, кроме того, что языки могут выбирать разные способы характеристики голоса, в зависимости от того, является ли он хриплым постоянно либо охрипшим от крика или простуды. Так, эстонское выражение *kare haal* ‘хриплый (букв.: шершавый) голос’ и его эрзянский аналог *казямо вайгель* могут описывать голос, хриплый по любой причине (и естественный хриплый тембр голоса, и охрипший голос). В финском языке прилагательное *karhea* ‘шершавый’ описывает охрипший голос, употребляясь в выражении *karhea kurkku*, переводящемся буквально как ‘шершавое горло’. Выражение же *karhea ääni* (букв.: шершавый голос), по утверждениям информантов, описывает скорее голос «с хрипотцой» у певца. Венгерское словосочетание *érdes hang* ‘хриплый (букв.: шершавый) голос’ описывает скорее постоянно хриплый голос человека, и то же верно для мокшанского прилагательного *казяма* ‘шершавый, грубый’.

Еще одной областью метафорических сдвигов лексем наличия неровностей является зона неприятных физиологических ощущений. Отчасти к этой группе можно отнести обсуждавшиеся выше метафоры, которые относятся к охрипшему от простуды голосу. Отдельные примеры, вместе с тем, описывают и другие типы неприятных ощущений. Так, английское выражение *to feel rough*, по данным [Longman], используется в разговорном языке по отношению к заболевшему человеку. Эстонское прилагательное *kare* ‘шершавый’ может характеризовать горло и описывает в этом случае чувство першения (11).

ЭСТОНСКИЙ

(11) *Kurk on külmatus-st kare.*

горло быть.PRS.3 простуда-EL шершавый

‘В горле першит от простуды’ (букв.: Горло от простуды шершавое) [EVS].

Наконец, лексемы наличия неровностей могут метафорически характеризовать неблагоприятную обстановку – примером служат английские сочетания *a rough night* ‘бессонная ночь’, *a rough journey* ‘трудное путешествие’, *a rough day* ‘тяжелый день’, *rough going* ‘тяжелый период’ [Longman]. В ряде языков метафоры от лексем данной группы специализируются на описании периодов года или природных явлений, как в случае прилагательного *казяма* ‘шершавый, грубый’ в шокшинском диалекте эрзянского языка: *казяма варма* ‘колкий, неприятный ветер’, *казяма лов* ‘колкий, неприятный снег’ (при снегопаде), *казяма телись* ‘суровая зима’.

Среди метафорических сдвигов, претерпеваемых лексемами наличия неровностей, можно выделить несколько, подчеркивающих **высокую интенсивность** действия, состояния или проявления признака (что объяснимо, поскольку некоторые негладкие предметы используются для оказания интенсивного физического воздействия на другой объект, как, например, наждачная бумага или точильный брусок). Важно, что эти лексемы могут в данном случае как передавать отрицательную оценку, свойственную большинству их исходных употреблений, так и выражать положительную оценку. Так, удмуртские изобразительные слова на *čaj-*, описывающие в северных говорах шероховатые поверхности, используются в значении ‘освежающий, хорошо утоляющий жажду’ (о напитке). Носители языка поясняют механизм этого переноса таким образом, что подобные напитки как бы «дерут горло» – т.е. сдвиг в этом случае связан с идеей контактного воздействия негладкой поверхности на объект. В венгерском языке прилагательное *durva* ‘грубый’ и производное от него наречие *durván* характеризуют, в первую очередь в разговорном стиле, высокую интенсивность действия, состояния или признака, оцениваемую как положительно, так и отрицательно: *durván elfáradtam* ‘сильно устал’, *durván megijedtem* ‘жутко испугался’, *durva autó* ‘крутая машина’. К этой же группе относится русское выражение *грубая*

ошибка (поскольку описывает значительную, «интенсивную» ошибку). В английском языке подобное развитие наблюдается у прилагательного *rugged* ‘неровный, грубый’ (*rugged individualism* ‘яркий индивидуализм’, *rugged reliability* ‘высокая надежность’, *ruggedly handsome* ‘мужественно красив’). В литературе обнаруживаются похожие примеры и для немецкого языка (например, приводимые в [Bons 2009: 306-307] контексты *grobe Mängel* ‘грубые недостатки’, *grob ungerecht* ‘очень несправедливо’ и т.п.).

6. Заключение

Исследование типологии метафорических употреблений, развиваемых лексемами фактуры поверхностей, свидетельствует о системном характере их организации. Для каждой из крупных семантических зон выделяются модели метафорических переносов, регулярно воспроизводимые в разных языках (как в уральских языках, занимающих центральное место в нашем исследовании, так и в языках типологического фона из других семей).

Лексемы с исходным значением ‘скользкий’ переносно описывают ненадежность объекта и, реже, быстроту и легкость выполнения действия.

Лексемы с семантикой ‘гладкий’ сдвигаются в обозначение отсутствия недостатков или затруднений либо отсутствия ресурса или отличительных качеств.

Лексемы с прямым значением ‘ровный’ метафорически передают идею равномерности, а также могут развивать метафоры в области отсутствия отличительных качеств или низкой интенсивности.

Лексемы наличия неровностей переносятся на обозначение наличия недостатков или затруднений и в отдельных случаях – в семантическую область интенсивности действия.

Пополнение полученных данных может стать одной из задач дальнейших типологических исследований рассматриваемой семантической группы. Однако уже эти данные подтверждают выдвигавшийся в работах по лексической типологии тезис о системности развития семантических сдвигов в языках мира и о необходимости типологических исследований в этой сфере.

Список глосс

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ADJ – адъективизатор; ADV – адвербиализатор; CMPR – сравнительная степень; DAT – датив; DEF – определенность; DETR – детранзитивизатор; EL – элатив; GEN – генитив; INESS – инессив; NEG – отрицание; NOM – номинатив; NPST – непрошедшее время; PL – множественное число; POSS – посессивное склонение; PRS – настоящее время; PRT – причастие; SG – единственное число; SUPERESS – суперессив.

Литература

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Выпуск XIV (Т). Чебоксары, 1937.

2. Беликов В. И. *Ровно так* говорят многие // Александр Евгеньевич Кибрик. In memoriam. Материалы научно-мемориальных чтений памяти А. Е. Кибрика. 9 декабря 2012 г. М., 2012. С. 38-41.

3. Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. (ред.) Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. Киев, 2009.

4. Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. О синонимии фокусирующих частиц (на материале немецкого и русского языков) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18). В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М., 2012. С. 138-149.

5. Иванова Е. Ю. Нетривиальные свойства поверхностей как топологических объектов: материалы к лексической типологии (русские и корейские прилагательные). Дипломная работа. М.: РГГУ, 2011.

6. Кашкин Е. В. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках). Дисс ... к.ф.н. М.: МГУ, 2013.

7. Круглякова В. А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс... к.ф.н. М.: РГГУ, 2010.

8. Лучина Е. С., Резникова Т. И., Стенин И. А. Атрибутивы как источник грамматикализации: 'прямой' и 'ровный' в русском,

немецком и финском языках // Guzmán Tirado R., Votyakova I. (eds.) *Tipología léxica*. Granada, 2013. P. 123-129.

9. Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. М., 2007.

10. МАС – Словарь русского языка в 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. Электронная версия: <http://feb-web.ru/feb/mas/>

11. Рахилина Е. В. *Глаголы плавания в русском языке* // Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. М., 2007. С. 267-285.

12. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. *Фреймовый подход к лексической типологии* // *Вопросы языкознания*. 2013. № 2. С. 3-31.

13. Серебренников Б. А., Бузакова Р. Н., Мосин М. В. (ред.) *Эрзянско-русский словарь*. М., 1993.

14. *Словарь марийского языка в 10 т.* Гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола, 1990-2005. Электронная версия: www.marlamuter.org/muter/

15. Спесивцева А. А. *Семантика прилагательных, описывающих качества поверхности, и прилагательных со значением «пустой» и «полный» (на материале испанского языка)*. Дипломная работа. М.: РГГУ, 2012.

16. Спиридонова Н. Ф. *Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета* // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой* / Отв. ред. Апресян Ю. Д. М., 2004. С. 235-241.

17. Холкина Л. С. *Категория качества в китайской лексике: опыт типологического описания*. Дисс ... к.ф.н. М., forthc.

18. Федотов М. Р. *Чувашско-марийские языковые взаимосвязи* / Под ред. И. С. Галкина. Саранск, 1990.

19. Федотова В. П. *Фразеологический словарь карельского языка*. Петрозаводск, 2000.

20. Bons I. *Polysemie und Distribution Zur Theorie und Methode einer korpusbasierten Semantik deutscher Adjektive*. Gießen, 2009.

21. EKSS – Eesti keele seletav sõnaraamat. Электронный ресурс: www.eki.ee/dict/ekss

22. EVS – Eesti-vene sõnaraamat . Электронный ресурс: www.eki.ee/dict/evs

23. König E. The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective. London, 1991.

24. Longman dictionary of contemporary English. Электронный ресурс: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/>

25. Starling – Этимологическая база данных, составленная С. А. Старостиным. Электронный ресурс: www.starling.rinet.ru

26. Traugott E. The semantic development of scalar focus modifiers // van Kemenade A., Bettelou Los (eds.) The handbook of the history of English. Blackwell, 2006. P. 335-359.

27. Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // Linguistics. 2012. 50–3. P. 633-669.